

ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ СОЦИОЛОГИЮ**СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ В РОССИИ:****СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ
СОСТОЯНИЕ*****АМЕЛИН В.Н., ДЕГТЯРЕВ А.А.**

В последнее десятилетие в России происходит бум конкретно-социологических исследований политической жизни. Это научное направление становится одной из наиболее динамично развивающихся отраслевых социологий. Вместе с тем возникают вопросы. Имеются ли здесь наработанный багаж и традиции познания, существовала ли раньше, в досоветское и советское время, российская социология политики как академически институционализированная научная и учебная дисциплина? Почему в отечественной литературе до сих пор не сняты вопросы о её предметном поле и структуре, основных подходах и концептуальной, методологической базе? Каковы те основные фазы и этапы, которые социология политики проходила в процессе своего исторического становления? И наконец, каковы её основные направления разработки и современное состояние?

На эти вопросы и пытаются дать ответы авторы статьи. В ней предпринимается одна из первых попыток осуществить сквозной анализ основных линий становления и направлений разработки отечественной политической социологии. Ставится ряд методологических вопросов, которые не могут не интересовать современных исследователей, работающих в данной области: взаимовлияние социологии политики и политики государства, ретроспективы и перспективы становления политической социологии в нашей стране, её предмет и структура и др. В то же время авторы прекрасно понимают, что ими делаются лишь начальные шаги в анализе этой весьма обширной и многосторонней области разработки отечественной социологии.

Становление социологии политики** в России не было последовательно-линейным и поступательным процессом. К характеристике развития этой отрасли отечественной социологической науки скорее применимы эпитеты

*Статья рекомендуется в качестве учебного материала по курсу "социология политики".

**В данной статье мы абстрагируемся от проблемы различения (или разграничения) понятий "социология политики" и "политическая социология", интерпретируя их в качестве синонимов. Специальный анализ данного вопроса см.: Вятр Е. Социология политических отношений. - М., 1979.

перехода из периодов довольно энергичной жизнедеятельности к погружению в вынужденное состояние “анабиоза”, связанного с запрещением данного научного направления. Социология политики не стала даже “птицей Феникс”, поскольку ей никогда не предоставлялась естественная возможность не только распустить, но и просто как следует отрастить свои крылья. Потому-то она выступает в сегодняшней России конца XX века в очередной раз “новой и юной” отраслью социологии. И в этом смысле судьба отечественной социологии политики выглядит ещё более драматично даже на общем фоне истории развития и институционализации социологии в нашей стране (1). Ведь первый удар наносился государственной бюрократией именно по этой, наиболее для нее опасной ветви социологии.

Социальный контекст и этапы становления российской социологии политики

Отечественная государственная политика была вначале запретной (и запрещае-мой) для критического изучения темой для ученых-обществоведов вплоть до второй половины 60-х гг. XIX века, затем строго “подконтрольной” со стороны царского правительства до революции 1905-07 гг. и окончательно запрещённой советским государством в начале 20-х гг. XX века. Вслед за робкой попыткой возродить социологию политики в идеологемном оформлении через четыре-пять десятилетий уже в советское время наступил новый период очередной “заморозки” и жесткого контроля со стороны структур партийно-государственной власти. Лишь в конце 80-х годов XX века наступает нынешний этап становления социологии политики без каких-либо гарантий ее превращения в полноценную и независимую от идеологического контроля государства научную дисциплину.

Причину такого нелинейного и дискретного характера становления отечественной социологии политики следует искать в отношениях между социологией политики и государственной политикой, в непримиримости официальной государственной идеологии и свободного академического дискурса о политике. К социологии политики в полной мере можно отнести вывод, сделанный И.А.Голосенко и В.В.Козловским: “В судьбах социологии новая власть оказалась союзником и преемником старой имперской власти. Только ещё более свирепым”(2). Очень хочется надеяться на то, что в будущем в новой, постсоветской России не повторятся старые недобрые отношения между политической властью и социологией политики.

Пытаясь дать краткую ретроспективу результатов и достижений российской социологии политики за более чем вековой период её существования, просто удивляешься пессимистическому пророчеству М.А.Бакунина относительно развития социологии: “Потребуются века, по крайней мере, одно столетие, чтобы она могла окончательно утвердиться и сделаться наукой серьезной и сколько-нибудь полной и самодостаточной”(3).

Сегодняшнее отставание российской социологии политики от мирового уровня, как это не удивительно, обусловлено вовсе не поздним её стартом. Как раз наоборот, на “стартовые позиции” к концу XIX-началу XX века она подошла в тройке-пятерке лидирующих социологических держав (наряду с Италией, Германией, США, Францией и Англией) (4). Россия внесла свой достаточно весомый вклад в международный багаж социологии политики теориями М.Я.Острогорского, М.М.Ковалевского, П.А.Сорокина, Г.Д.Гурвича, Н.С.Тимашёва, и наконец, Г.В.Плеханова, В.И.Ленина и Н.А.Бухарина*. Но затем, с начала 20-х годов ны-

* Трудно было бы исключить вовсе марксистскую традицию разработки проблематики политической социологии в России, как в своё время исключали из оборота работы.

нешнего столетия началось серьезное отставание, связанное, прежде всего, со вне-научными, идеологическими и государственными факторами.

Вначале регламентирующую роль в отношении академической социологии политики играет царское правительство и бюрократия. До политических реформ 60-х годов вообще и речи идти не могло о социологическом исследовании официальной политики. "Теперь только в России может возникнуть политическая литература, без которой общественное развитие всегда остаётся ничтожным. Теперь только русская мысль может испробовать свои силы"⁵, - писал в 1866 году Б.Н.Чичерин в одной из первых политико-социологических работ "О народном представительстве". В ней он впервые проанализировал пути и способы воздействия общественных групп на государственные органы, аппарат управления. Но и после этого существовали запретные темы и чёткие регламенты на исследование политической проблематики. Например, в университетских курсах конца XIX века можно было анализировать социальные и этнокультурные условия развития конституционализма и представительной демократии на Западе, но не подвергая при этом сомнению социально-политические основания российской монархии и не вступая в прямое противоречие с официальной монархической идеологией.

Ещё более жёсткую позицию заняла советская бюрократия, которая решила сделать политическую социологию "верной и покорной служанкой" официальной идеологии и партийной номенклатуры. Она встраивает советскую социологию в государственную идеологическую машину и использует её в качестве критического оружия против "враждебной", буржуазной политики и идеологии Запада и для апологетики собственной "правильной" политики Коммунистической партии и Советского правительства. Можно было изучать правящую элиту и бюрократию за рубежом, на "загнивающем" Западе или "развивающемся" Востоке, но ни в коем случае не разрешалось исследование коммунистической номенклатуры и политического лидерства в СССР и странах социалистического лагеря. Можно было разрабатывать концепцию партийного строительства или социологию партийной работы, но не было страшнее "ереси" подвергнуть сомнению тезис о "руководящей роли КПСС".

Таким образом, характерной чертой послереволюционной социологии политики была официальная заангажированность, даже несмотря на смелые попытки прикрыть эзоповым языком "творческого ленинизма" некоторые идеи структурно-функционального подхода к интерпретации политических процессов (Ф.М.Бурлацкий, А.А.Галкин и др.). В отличие от этого дореволюционная социология политики была в основном настроена либерально (кадеты и др.) или радикально (эсеры, социал-демократы и др.) оппозиционно по отношению к царскому (а затем и к советскому) правительству (6).

В процессе возникновения и становления отечественной социологии политики традиционно выделяются три большие "волны" (или фазы): 1) дореволюционная (или досоветская); 2) советская и 3) постсоветская (или посткоммунистическая), делящиеся в свою очередь на более дробные периоды. Для этих "волн" характерны дискретность в развитии, отсутствие преемственности и отрицание (а затем и отрицание отрицания) накопленного научного знания и методологии предшествующих фаз.

В целом же периодизацию становления и разработки социологии политики в России можно было бы представить следующим образом:

"буржуазных и эмигрантских" социологов и политологов: Сорокина и Тимашева, Гурвича и Ильина, и пр.

I. Дореволюционная (досоветская) фаза (конец 60-х гг. XIX в. - середина 20-х гг. XX в.):

1. *Возникновение социологии политики* (конец 60-х гг. XIX в. - конец 90-х гг. XX в.): первые опыты написания политико-социологических работ (А.И.Стронин); начало конкретно-эмпирических исследований политической жизни России (В.В.Ивановский - местное самоуправление и т.д.); разработка первых социологических концепций политических институтов и процессов (Б.Н. Чичерин, М.М.Ковалевский, М.Я.Острогорский, Г.В.Плеханов и др.).

2. *Формирование исследовательской проблематики и основных направлений социологии политики* (конец 90-х гг. XIX в. - середина 20-х гг. XX в.): дифференциация и развитие “вширь” политической социологии; формирование научных направлений социологического исследования политической жизни: социологии политических партий и общественных объединений; бюрократии и элиты; социологии государственной власти и институтов; выборов и электорального поведения; самоуправления и участия; социологии политических изменений (кризисов и конфликтов, революций и реформ) и социологии международных отношений (войны и мира), а также разработка качественных и количественных методов политико-социологических исследований (анализ земской и электоральной статистики, политических документов, наблюдение и т.д.).

II. Советская фаза (середина 20-х гг. - вторая половина 80-х гг. XX в.):

1. *Интерпретация политико-социологических проблем в жестких рамках марксистско-ленинской теории и коммунистической идеологии и запрет на существование политико-социологических дисциплин* (конец 20-х гг. - середина 60-х гг. XX в.): полный запрет на проведение эмпирических исследований советской политики и их немарксистскую интерпретацию; вульгарно-марксистская интерпретация социальных механизмов политической жизни; отождествление социально-политической теории и официальной политической идеологии; полная изоляция от мировых достижений и зарубежных разработок в области политической социологии.

2. *Воссоздание и адаптация социологии политики в официальных границах марксистско-ленинского общественнознания* (вторая половина 60-х гг. - вторая половина 80-х гг. XX в.): попытка воссоздания и институционализации социологии политики в структуре возрождающейся социологической науки и марксистско-ленинской теории; теоретический политико-социологический “андерграунд” в научном коммунизме, историческом материализме, востоковедении, рабочеведении, теории государства и права и т.д.; критический марксистский анализ западных политико-социологических концепций и разработок; возрождение конкретно-социологических исследований политической жизни; эмпирические исследования и теоретический анализ политических институтов СССР (социология “партийной, советской, комсомольской, профсоюзной работы”); начало анализа бюрократии, элит и лидерства.

III. Постсоветская (посткоммунистическая) фаза (конец 80-х гг. - конец 90-х гг. XX в.):

Возрождение аутентичного статуса социологии политики в России; “открытие” запретных политических тем для социологического анализа: российской элиты и бюрократии, основ политического плюрализма, социального механизма власти и пр.; возникновение новых политических объектов в России для конкретного социологического анализа (парламентаризма, партий, объединений, групп давления, выборов и т.д.); бурный рост конкретно-эмпирических исследований российской политической жизни, разработка их методологии и методики; начало институционализации социологии политики (появление ВАКовской специальности, первых

университетских курсов и учебников); первые опыты (на постмарксистских основах, веберианские и неоструктуралистские) построений современных концепций теоретической социологии политики (А.Б.Зубов, Ю.Л.Качанов, А.Ф.Филиппов и др.).

Несколько слов следует сказать о *социокультурных* истоках возникновения и становления социологии политики в России. Дело в том, что сюжеты, связанные с проблематикой “правительственной власти и народа”, “государства и общества” во все времена российской истории относились к разряду особых и освящённых (а бывало и просто сакральных), причём как для отечественных мыслителей, так и для правящей элиты. Поэтому напряжённое внимание к социальным корням публичной власти, “добродетельному правлению” было далеко не случайным. Апологетика и идеологизация официальной власти и политики вызывали обратную реакцию нравственного отторжения и стремление понять, что же представляет из себя власть “на самом деле”.

На протяжении более чем восьми столетий, начиная от одного из первых на Руси (из дошедших до нашего времени) общественно-политического трактата Иллариона “Слово о законе и благодати” середины XI века и вплоть до непосредственно предшествовавшего возникновению собственно политико-социологической мысли в России произведения К.Д.Кавелина “Взгляд на юридический быт древней Руси”, написанного в середине XIX века, вопросы природы публичной власти и социальной организации государственной политики находятся в самом центре внимания практически всех течений общественной мысли. Так, в трактате митрополита Иллариона рассматриваются политико-социологические проблемы легитимности и легальности (или законности) верховной княжеской власти, эффективности управления государством. Однако самое интересное то, что здесь же ставится вопрос о самой цели существования государственной власти - обеспечение блага и интересов всех подданных Древнерусского государства и в этой связи об ответственности великого князя перед подвластными (7).

Поисками источников легитимности и народной поддержки государственной власти были заняты и российские мыслители XVII - XVIII веков Юрий Крижанич и Феофан Прокопович. В своём трактате “Политика” Крижанич обосновывает преимущества централизованной монархической власти перед другими её формами и аргументирует тем, что она поддерживается народной традицией и наилучшим образом обеспечивает покой и согласие народа. Государство обязано “всячески заботиться о процветании народа, и, прежде всего, чтобы все жили безопасно и, как подобает свободному гражданину, пользовались и наслаждались своим имуществом”(8). Феофан Прокопович, исходя из “естественного закона” взаимной гармонии государственной власти и народа, утверждает: “Власть есть самое первейшее и высочайшее отечество, на них бо висит не одного некоего человека, не дому одного, но всего великого народа житие, целость, безпечалие”(9).

В XIX веке традиция познания социальной природы государственной власти находит своё довольно яркое проявление в произведениях видного русского правоведа, историка и философа К.Д.Кавелина. Он ставит проблему социального генезиса, этапов становления и природы государственной власти в России в терминах уже совсем близких современной политической социологии: “политическая система” и “государственный центр”, “политический порядок” и “государственные учреждения”, “властвующие” и “подвластные”, “политическая сфера” и “государственная система” и т.д. В работе “Взгляд на юридический быт древней России” (1846 г.) Кавелин исследует воздействие (говоря современным языком) этносоциальных, социокультурных факторов формирования и эволюции системы

политической власти в России, влияние социального “быта” на изменение государственных форм и структур (10). Этот блестящий для того времени разбор взаимодействия социальной среды и политических институтов в известном смысле можно было бы назвать “протосоциологическим” анализом развития политической жизни, нашедшим позднее своё продолжение в “генетической социологии” М.М.Ковалевского. Творчество К.Д.Кавелина представляет собой яркий пример наметившейся тенденции к соединению различных компонентов социально-политического знания: историко-этнологического, политико-правоведческого и социально-философского. Впоследствии в сочетании со становящейся социологической теорией данная линия приведёт к “начальному” политико-социологическому синтезу, осуществлённому в работах М.М.Ковалевского, А.И.Стронина, Б.Н.Чичерина, В.В.Ивановского и М.Я.Острогорского.

Итак, к моменту возникновения социологии политики в России уже имелась развитая традиция исследования социальных оснований власти. Примерно с середины XIX века (и особенно с 60-х - 70-х гг.) начинает складываться особое междисциплинарное поле на стыке трёх уже существовавших в России академических отраслей общественнознания: политической истории, правоведения (и особенно его “государственной школы”) и социальной философии*. Начинают в конце столетия преподаваться даже “смешанные” университетские курсы, как, например, курс М.М.Ковалевского по социальной истории политических и правовых институтов; курс Б.Н.Чичерина по государственной науке, состоявший из 3-х разделов: 1) общее государственное право; 2) социология и 3) политика; курс В.В.Ивановского в Казанском университете, включавший в себя социально-исторические и политико-правовые проблемы, и др.(11).

С другой стороны, даже в работах революционных демократов и народников (М.А.Бакунин, П.Н.Ткачёв, П.Л.Лавров) рубежа 60-х - 70-х гг. XIX века ощущается явное движение к соединению новой социальной теории (прежде всего, идей О.Конта и Г.Спенсера) с традициями отечественной социально-политической мысли для того, чтобы дать реалистический анализ динамично развивавшейся после реформ 60-х годов политической жизни России. Примером тому служит работа М.А.Бакунина “Федерализм, социализм и антитеологизм” (1867 г.), где рассуждения о социальной природе мира политики и государственной власти, как “арены наивысшего мошенничества и разбоя”, “циничного отрицания человечности” переплетаются с анализом исторической роли и предмета социологии, как новой “науки об общих законах, управляющих всем развитием человеческого общества”(12).

И наконец, третьим аспектом общего контекста складывания политико-социологической дисциплины в России выступает влияние бурной политической динамики России последней трети XIX - - начала XX века. Нельзя не учитывать того обстоятельства, что первые политические социологи (как, например, Б.Н.Чичерин, М.М.Ковалевский, М.Я.Острогорский), будучи академическими, кабинетными учёными, оказываются вовлечёнными в идейно-политическую полемику и даже в межпартийную борьбу. Русские исследователи, разрабатывавшие проблематику социологии политики приобщаются (а то и участвуют в руководстве) к деятельности различных, формирующихся в России политических партий: либералов, кадетов (Новгородцев, Кистяковский, Острогорский, Петражиц-

* Наверное, вовсе не случайным является тот сходный момент, что на всех трёх “волнах” становления социологии политики в России и трёх крупных попытках её институализации в последнее столетие в нашей стране участвовали представители именно этих профессиональных “цехов” общественнознания: философии, правоведения и истории.

кий, Милюков и др.), эсеров (Сорокин, Чернов и др.), меньшевиков (Плеханов, Гурвич и др.), анархистов (Кропоткин) и т.д.

Основные направления разработки политической социологии в доперестроечной России

Можно выделить около десятка сюжетов и направлений, наиболее характерных для разработки проблематики политической социологии за её более чем столетний период становления: 1) общеметодологические и историко-научные проблемы развития социологии политики (предмет, объект, методы и т.д.); 2) социологический анализ механизма власти; 3) политическая стратификация и социальные представительства; 4) изучение бюрократии, элит и лидеров; 5) социальные основы организации государственных институтов и местного самоуправления; 6) социология политических партий и общественных объединений; 7) социология выборов, электорального поведения и политического участия; 8) социология политического сознания и культуры; 9) социология политических изменений (кризисов, революции, конфликтов и т.д.), и наконец, 10) политическая социология международных отношений.

Было бы естественным начать с анализа разработки наиболее общих теоретико-методологических проблем социологии политики: её предмета, функций и задач. Проблема определения предметного поля социологии политики начинает интересовать уже первых русских социологов на рубеже 60-70-х гг. XIX века, и в частности, пожалуй, впервые специально и подробно анализируется в книге А.И.Стронина "Политика как наука" (1872). Эту работу можно назвать *первым собственно политико-социологическим произведением в России*. А.И.Стронин стоит на позициях "органицизма" в анализе социально-политических структур и процессов, используя идеи и принципы О.Конта и Г.Спенсера для анализа политических отношений в России.

Стронин различает в социологии "невещественную" часть, описывающую политику, и "вещественную", направленную на изучение экономических отношений. "Как нервная физиология давно уже, со времён Галля, потянулась к изучению невещественного человека, - пишет А.И.Стронин, - так экономическая социология давно уже, со времён Смита, потянулась к изучению вещественного общества; но как первая до сих пор не могла подать руку вперёд, так вторая не может до сих пор подать руку назад, науке естественной. Конец естествознания и начало обществознания ещё раз никак не умеют спаяться. А между тем цемент для этой спайки опять существует, и существует он именно в другой половине социологии, в социологии невещественной, в политике (подч. - В.А., А.Д.)" (13). Итак, по А.И.Стронину, наука политики выступает в качестве компонента более общей, социологической науки. Кроме того, социология политики подразделяется им на прикладную (практическое искусство) и фундаментальную (научная теория) части. В соответствии с этим он строит свою работу: её первая часть посвящена теоретическому обоснованию модели и общему структурированию политического процесса, а вторая - носит вполне современное прикладное название "Политическая диагностика и прогностика России".

Парадоксальным совпадением выглядит тот факт, что практически аналогичный подход предлагается и в самых первых публикациях по предмету социологии политики советскими социологами "второй волны" А.Бовиным и Ф.Бурлацким примерно спустя столетие, то есть в конце 60-х - начале 70-х гг. нынешнего уже века. Такое впечатление, что здесь работают некие общие алгоритмы становления дисциплины и поиска "места под солнцем" социально-политической теории. Для

них (Бовина и Бурлацкого) теория политики также входит в состав социологической науки наряду с другими теориями “среднего ранга”(14). Ф.Бурлацкий отмечает по этому поводу, что теория политики представляет собой лишь “частный случай примечения социологических методов к анализу особой области - явлений политической жизни и в этом смысле стоит в ряду таких дисциплин, как социология труда, социология семьи, социология личности и т.п.”(15).

Обнаруживается и другое, ещё более любопытное совпадение для самой истории вопроса об определении предмета социологии политики, свидетельствующее о некотором опережении русской дореволюционной мыслью считающихся классическими западных формул. В известной статье “Политическая социология” (1957 г.) С.Липсет и Р.Бендикс дают практически всеми признанное разграничение политической теории и социологии политики, при этом подчёркивая, что первая занимается изучением способов воздействия государства на общество, тогда как вторая исследует “обратные связи”, другими словами, механизмы влияния общества на государство и политический порядок в целом (16). Сопоставим подход Бендикса-Липсета с тем, что написал примерно лет на 60 раньше по этому же поводу Б.Н.Чичерин в своём II томе “Социология” общего “Курса государственной науки” (1896 г.): “Исследование общества в его составных частях и влияние его на государство составляет предмет Науки об Обществе, или Социологии в тесном смысле (другими словами, политической социологии - В.А., А.Д.); наоборот исследование воздействия государства на общество составляет предмет политики (то есть, переводя традиционный Аристотелев термин на современный язык, политической науки - В.А., А.Д.)”(17).

Позднее в работах советского и постсоветского этапов вопросы определения предмета социологии политики не раз поднимались и рассматривались (18), причем то, что касалось соотношения последнего с предметом политологии, то его интерпретация как “прямых”, так и “обратных” механизмов, воздействия государства и влияния общества нередко воспроизводилась (в том числе и авторами данной статьи) именно в “чичеринском” духе (19). При этом давалась дефиниция *социологии политики* как науки, изучающей социальные механизмы власти и влияния, закономерности воздействия социальных общностей на государственные институты по поводу властных основ социального порядка. Существует в то же время другая позиция, трактующая социологию политики как “конвенционально” сливающуюся с политологией (В.В.Смирнов), поскольку они и “в теоретико-методологическом, и в категориальном плане малоразличимы”(20).

В числе общеметодологических проблем социологии политики встаёт вопрос и о её внутренней структуре, направлениях исследования, и в частности, соотношении фундаментальных и прикладных политико-социологических исследований. Первым этот вопрос поставил А.И.Стронин, разграничивший в социологии политики “теоретическую науку” и “практическое искусство”. В этом же русле рассуждает один из первых русских учёных, специализировавшихся в области политической социологии (да и вероятно первым в России использовавший сам термин “политическая социология”), профессор юридического факультета Казанского университета В.В.Ивановский. Он разграничивает “чистую науку”, т.е. фундаментальную социологическую теорию политики, опирающуюся на сравнительно-исторический анализ общественно-политических структур, от так называемой “социологической политики” как особой, прикладной формы социальной науки, использующей выводы фундаментальной социологии (21).

В своей “Системе социологии” (1920 г.) П.А.Сорокин продолжает эту линию и также разводит теоретическую (фундаментальную) социологию с прикладной её частью, определяя последнюю как социальную политику (т.е. опытно - рекоменда-

тельную науку и социологическое искусство), являющуюся “прикладной дисциплиной, которая опираясь на законы, сформулированные теоретической социологией, давала бы человечеству возможность управлять социальными силами...”(22). Таким образом, взгляды первых русских социологов о предмете и структуре социологии политики, как можно заметить, не противоречат современным представлениям.

Анализ социальных механизмов власти выступает для отечественной социологии политики своего рода системообразующей темой, мимо которой не могли пройти ни дореволюционные исследователи, ни позднейшие авторы. До революции проблемой власти занимаются представители всех направлений социологической мысли (23). Это было связано с тем, что многие первые русские политические социологи читали курсы государственного права, где обязательным компонентом было так называемое “учение о верховной власти”, которое наряду с народом (населением) и территорией рассматривалось как один из элементов государства.

Каковы же были главные подходы к социологической интерпретации публичной власти. В обобщающей работе “Сущность государственной власти” (1913 г.) Б.Кистяковский выделяет три основные конкурирующие концепции власти: “нормативную” “силовую” и “психологическую” (24). Представители первой из них (С.А.Котляревский, А.С.Алексеев, П.А.Покровский и др.) трактуют власть как вид общественной связи, скреплённый нормами права, существующий для поддержания и регулирования социального порядка (25). “Одни объясняют эту связь личным господством, подчинением людей людям; другие объясняют эту связь общественным господством, подчинением людей господству государства, как целого”(26), - писал по этому поводу профессор Московского университета А.С.Алексеев. Представители второго подхода (Н.М.Коркунов, Л.И.Петражицкий, С.Л.Франк и др.) (26а) отстаивали психологическое видение власти, согласно которому власть выступает отношением людей, которые сообразно своей психологической природе имеют склонность управлять или подчиняться. Наконец, в рамках третьей позиции власть трактуется как силовое отношение (В.В.Ивановский) (26б). Вот что писал на сей счёт И.А.Ильин в 1919 году, пытаясь дать некое “синтетическое” определение властного отношения и разработать так называемые общие “аксиомы власти”: “Власть есть сила воли. ...Властвующий должен не только хотеть и решать, но и других систематически приводить к согласному хотению и решению. Властвовать значит как бы налагать свою волю на волю других; однако с тем, чтобы это наложение добровольно принималось теми, кто подчиняется”(27).

Несколько особняком по отношению к другим дореволюционным политико-социологическим подходам стояла марксистская школа, которая трактовала государственную власть как волю экономически господствующего класса и средство социального преобразования. “Политическая власть, - писал в революционном 1905 году Г.В.Плеханов, - представляет собою ничем не заменимое орудие коренного переустройства производственных отношений. Поэтому всякий данный класс, стремящийся к социальной революции, естественно, старается овладеть политической властью”(28). После утверждения большевиков у власти с начала 20-х гг. и вплоть до начала 90-х гг. XX в. классово-марксистская концепция в течение 70 лет сохраняла свою монополию (29), варьируя, правда (в зависимости от исторических периодов и течений), от самых грубых, сталинистски вульгарных до “полуревизионистских” попыток соединить либеральные западные идеи (веберизма, структурного функционализма, бихевиорализма) с “квазимарксистской” формой.

В качестве одной из наиболее удачных попыток социологического анализа власти в советский период можно назвать работы Ф.Бурлацкого и А.Галкина (по сути использовавших ряд идей М.Вебера), где власть определяется, как “реальная способность осуществлять свою волю в социальной жизни, навязывая её, если необходимо, другим людям; политическая власть, как одно из важнейших проявлений власти, характеризуется реальной способностью данного класса, группы, а также отражающих их интересы индивидов проводить свою волю посредством политики и правовых норм” (30). Итак, классовый подход к анализу власти был общим местом всех теоретических исследований по политической социологии советского этапа (31).

Но в начале-середине 90-х гг., в период постсоветского развития, в социологии политики намечаются новые подходы, преодолевающие ограниченность “волевой”, классовой концепции и предлагающие рассматривать её как некое многомерное, синтетическое образование, включающее в себя различные “плоскости” и “оси”: институциональную (руководство людьми), символическую (господство и подчинение) и технологически-ресурсную (решение проблем регулирования ресурсов общества). Таким образом, политическая власть определяется скорее как регулятор общественных отношений, всеобщий механизм социального общения, человеческой самоорганизации и саморегулирования, чем принадлежащие кому-либо “вещь” или “атрибут”, как это трактуется в упомянутых “силовых” и “волевых” конструкциях (32).

Исследования социальной природы и механизмов власти тесно связаны с изучением политической стратификации российского общества. Объяснить политический порядок возможно лишь при изучении взаимодействия социальных групп и государственных институтов, механизмов социальной мобильности и динамики социальных статусов, распределения ресурсов и зон влияния. По сути дела, с изучения именно этой проблемы в конце 60-х - начале 70-х гг. XIX века и начинается постепенное “отпочкование” проблематики социологии политики от курсов государственного права, социальной философии и политической истории. Первые социологические постановки вопросов политической стратификации можно найти в работах двух ровесников-современников: А.И.Стронина и Б.Н.Чичерина. Последний прямо ставит вопрос о характере влияния социальной и внесоциальной среды на представительные институты государства. Имеется в виду роль физических, природных условий (климата, территории и т.д.) и социальных факторов (народностей, классов, сословий и т.д.). Им рассматриваются наиболее существенные направления воздействия социальной структуры на государственную политику: общественное мнение, политические партии и местное самоуправление.

Анализируя взаимозависимость между сферами государственного управления и гражданского участия в политической жизни, Б.Н.Чичерин выводит особый “закон обратно-пропорционального отношения” государственной власти “сверху” и гражданского влияния “снизу”. Он формулирует его следующим образом: “Чем менее инициативы у граждан, тем более приходится делать государству; ибо общественные потребности должны быть удовлетворены, если народ не хочет оставаться на низшей ступени развития и силы. Наоборот, государственная власть может значительно ограничить своё ведомство там, где частная предприимчивость и энергия общества достаточны для покрытия нужд” (33). Поразительно, но это один из самых распространенных тезисов современной российской социологии политики (34). Он заставляет задуматься о сложностях становления гражданского общества в России, где даже наличие конституционных норм не является достаточным условием для раскрытия потенциала гражданской инициативы и ограничения экспансии государственных органов в частую жизнь.

Эта проблема была предметом анализа и А.И.Стронина, который рассматривает вопросы о взаимодействии политической и социальной структуры ещё более “социологично”. Он предпринимает весьма любопытные по замыслу и глобальные по размаху (но наивные по исполнению) попытки построить модели политической стратификации и институционализации, в чём-то напоминающие схемы А.Сен-Симона и О.Конта. Политическую структуру общества А.И.Стронин изображает в виде “пирамиды-конуса”. Эта пирамида подразделяется на три политические страты, в которые объединяются граждане в связи с их общественной функцией или по политическим рангам и статусам (35). Во-первых, это высший, “политически производительный” класс, куда включается аристократия и интеллигенция, то есть законодатели, судьи и администраторы. Во-вторых, это средний политический класс капиталистов, в который входят банкиры, мануфактуристы и арендаторы. И, наконец, в-третьих, на низшей ступени политического конуса находится подвластное, “политически непроизводительное” большинство работников (земледельцы, ремесленники и торговцы). Далее, А.И.Строниным разграничивается, говоря современным языком, теория политической структуры от теории политического процесса и развития. Он отмечает, что “политика есть по отношению к истории политической то же, что статика по отношению к динамике: первая есть наука организации, вторая - наука жизни”(36).

Конечно же, видение А.И.Строниним политической стратификации сегодня выглядит наивным, даже в свете вышедшей спустя полвека классической работы П.А.Сорокина “Социальная мобильность” (1927 г.), написанной в США, но ещё во многом использующей накопленный в России теоретический и эмпирический материал. П.А.Сорокин вводит в оборот и разрабатывает понятия “политической флуктуации”, “политической мобильности”, “политического выравнивания” и пр., хотя использует и термины, бывшие в ходу уже у А.И.Стронина: “политические классы”, “конус”, “пирамида”, “профиль”, “параллелепипед” и пр. Он приходит к выводу, что политическая стратификация изменяется во времени и пространстве без какой-либо универсальной тенденции. Однако имеются постоянные, устойчивые параметры политической структуры, которые зависят от разнородности социального состава населения и “размеров политического организма” отдельных стран. В целом же П.А.Сорокин верифицирует свою гипотезу о всеобщем характере политической стратифицированности любого современного общества, действию социологических закономерностей дифференциации и выравнивания в политической жизни. “Если в пределах какой-либо группы существуют иерархически различные ранги в смысле авторитетов и престижа, званий и почестей, если существуют управляющие и управляемые, - подчёркивает П.А.Сорокин, - тогда независимо от терминов (монархи, бюрократы, хозяева, начальники) это означает, что такая группа политически дифференцирована (подч. - П.А.Сорокиным), что бы она ни провозглашала в своей конституции и декларации”(37).

После 70-летнего перерыва проблема политической стратификации снова попадает в орбиту внимания российских социологов (В.Ф.Анурин, Ю.Л.Качанов, В.В.Радаев и др.). Одним из первых вопрос о “властной стратификации советского типа” как патримониальной иерархии, регулируемой скорее неформальными конвенциями, чем формальными законами, был поставлен В.В.Радаевым в начале 90-х гг. “Общество советского типа, - отмечает автор этого подхода, - построено как система властных иерархий. Властные отношения реализуются как господство высших слоёв над низшими. Такое господство устанавливается не только насильственно, но и посредством особой формы авторитета...”(38). Далее им устанавливается взаимосвязь между властным рангом и статусом и социальными привилегиями, доступом к присвоению коллективных ресурсов. Несколько иной подход

предлагает В.Ф.Анурин, которые считает, что расслоение по политическим стратам происходит не только по объёму власти и привилегий (П.А. Сорокин, В.В.Радаев), но и *по характеру убеждений и ориентаций* относительно того, какой из типов социального устройства будет наиболее справедливым в плане распределения ценностей и благ между “политическими кластерами”(39).

Наконец, оригинальный постструктуралистский подход к анализу политической стратификации общества был предложен в ряде работ Ю.Л.Качанова, опиравшегося на идеи П.Бурдьё, У.Аутвейта и Р.Бхаскара (40). Он выделяет в качестве структурообразующих признаков политического поля: позиции и диспозиции, аккумулярованный капитал и др. К примеру, политическая идентичность бюрократии связана с аккумулярованием трёх форм капитала: 1) объективированной (ресурсы контролируемой организации); 2) институционализированной (звания, награды и т.д.) и 3) инкорпорированной (компетенция, практические навыки и умения и др.). В целом разработка проблематики политической стратификации России, вероятно, находится ещё в стартовой фазе, что связано не только с существовавшим запретом на эти сюжеты, но и с её широкой разветвлённостью.

Из проблематики политической стратификации, распределения социальных статусов и политических рангов, сфер влияния и зон контроля над ресурсами и решениями вытекает следующее направление интересов дореволюционных политических социологов: исследование бюрократии, политических элит и лидеров. Классическую постановку вопроса об отчуждении политических лидеров от народа, партийной верхушки (так называемого “кокуса”) от партийной массы осуществил в своей работе “Демократия и политические партии” (1898 г.) один из всемирно признанных основателей современной социологии политики М.Я. Острогорский. Он оказал большое влияние на разработку целого комплекса проблем политической социологии. Его идеи знали, использовали и цитировали крупнейшие социологи и политологи своего времени, в частности М. Вебер и Р. Михельс, В.И. Ленин и Э. Вандервельде и др. (41).

Несмотря на то, что классический труд М.Я.Острогорского был посвящён организации и деятельности политических партий, его теоретические выводы выходят далеко за рамки этого предмета, охватывая вопрос об отчуждении олигархизировавшегося меньшинства профессиональных политиков от большинства граждан в условиях представительной “демократии”. Всемогущий кокус (от англ. — caucus — партийный орган или собрание), представляющий собой “закрытую структуру”, собрание партийных лидеров, контролирует правительственную и парламентскую фракцию, аппарат партийных функционеров, партийную прессу и перекрывает все каналы коммуникаций при принятии стратегических решений, блокируя тем самым волеизъявление и представительство интересов как рядовых граждан, так и простых членов партии. “Английское правительство, — пишет М.Я. Острогорский, — при социальном и плутократическом влиянии системы организованных партий, верховенстве исполнительной власти и всё захватывающей бюрократии — не представляет настоящего народного правительства. Это — демократия, управляемая олигархией (курсив В.А., А.Д.)” (42). Выдающийся российский социолог по существу почти параллельно с Г. Моска, и опережая В. Парето и Р. Михельса, формулирует ряд идей политического элитизма и партийной олигархизации в условиях демократии, заложивших многие мировые линии развития современной политической социологии (43).

Анализом политических лидеров и ведущих государственных деятелей занимались и другие русские учёные. К примеру, К.А. Скальковский в двух весьма объёмных работах - “Современная Россия: Очерки нашей государственной и обществен-

ной жизни" (1889 г.) и "Наши государственные и общественные деятели" (1890 г.) - предпринял попытку дать историко-социальные и индивидуальные портреты представителей политической элиты тогдашней России (44). Кроме этого до революции впервые ставится вопрос о социальных интересах и политическом статусе бюрократии (К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, В.В. Ивановский и др.) (45). Истоки же традиции анализа социальной природы бюрократии можно найти ещё в вышедшей в 1873 году "Государственности и анархии" М.А. Бакунина, который уже тогда резко критиковал "деспотизм управляющего меньшинства", бюрократию как буржуазного, так и будущего социалистического государства (46).

Внимание русских учёных привлекает вопрос о социальном статусе и политической роли бюрократии в России. Профессор В.В. Ивановский отмечает, что государственная бюрократия представляет собой особый общественный класс, обладающий самостоятельными интересами и занимающий автономную позицию в политическом поле. Довольно резкую и критическую оценку российской бюрократии, борющейся с ростом местного самоуправления и институтов гражданского общества, даёт либеральный мыслитель Б.Н. Чичерин: "По самому своему устройству бюрократия представляет собой весьма сложную организацию, идущую сверху вниз в иерархическом порядке. Тут требуется не личная инициатива, а дисциплина и исполнительность. В ней господствует механический строй, а не общественный дух. ... Бюрократии ненавистны независимые силы, полагающие пределы её властолюбию и её произволу. Отсюда вражда к земству, составляющая постоянную черту бюрократии, покоящейся на своём величии и не знающей границ" (47). Можно убедиться, что слова эти не утратили своего значения и для современной России, где даже в самой демократической её части — столице последние четыре года вовсе отсутствовали органы местного самоуправления.

В послереволюционные годы и вплоть до конца 80-х гг. исследование элит и бюрократии становится полузакрытой (или закрытой) проблематикой, своего рода "минным полем" для советского социолога. Примером тому является исключение в 1981 году из каталога диссертационного зала Государственной библиотеки им. В.И. Ленина, вероятно, единственной за полвека, кандидатской диссертации В.И. Поскотиной (1974 г.), защищённой по проблемам государственной бюрократии (48). Конечно же советская бюрократия была подвергнута критическому анализу в работах российских авторов, вышедших в эмиграции (Л.Д. Троцкого, М.С. Восленского и др.) (49), но в самой России она естественно была выведена из числа объектов социологического анализа. В то же время в период "хрущёвской оттепели" конца 50-х гг. издаются переводы известных работ - Ч.Р. Миллса "Властвующая элита" и С.Н. Паркинсона "Закон Паркинсона", - которые косвенно повлияли на рост интереса к этим вопросам. В 70-е годы выходит ряд работ советских учёных (прежде всего Г.К. Ашина и М.А. Чешкова), в которых предпринимается попытка дать анализ социальной природы государственной бюрократии и политической элиты в развитых странах Запада и развивающихся странах Востока (50).

В этих работах давался, с одной стороны, критически-марксистский анализ социального характера политической элиты и бюрократии за рубежом, а с другой, — ставился целый ряд существенных методологических проблем для дальнейшего социологического исследования этих феноменов: рекрутирование, мобильность, состав, субкультура, роль в механизме принятия и осуществления решений и т.д.

В 80-е годы в СССР начинается новая волна в изучении социальной природы и роли бюрократии и элиты. Она связана с выходом целой серии монографий по проблемам теоретико-методологического анализа бюрократии и современных концепций элит (В.П. Макаренко, А.Ф. Зверев, Э.Н. Ожиганов, Г.К. Ашин и др.)

(51). Эти работы сыграли важную роль в формировании теоретического фундамента политико-социологической разработки проблем бюрократии, что во многом подготовило начавшуюся в период перестройки во второй половине 80-х гг. дискуссию о социальной природе и характере уже собственно советской бюрократии (52), а также взлёт интереса и бурный рост публикаций о “партгосноменклатуре”.

Важным и приоритетным направлением социологического анализа было исследование российскими учёными социальной основы и организации государственных институтов и местного самоуправления. Выше уже отмечалось, что учение о государстве наряду с такими основными компонентами, как верховная народная власть и территориальное устройство, включало в себя социальный состав населения или “народности” (Б.Н. Чичерин) (53).

Существенный вклад в разработку вопроса о социальных основах и генезисе государственных институтов и местного самоуправления был внесён выдающимся российским социологом М.М. Ковалевским. Им был написан объёмный и целостный цикл работ по социальному генезису институтов: начиная с его первой магистерской диссертации 1877 года, посвящённой становлению местных органов власти в Великобритании и заканчивая многотомными исследованиями “Происхождение современной демократии” (1895-97 гг.) и “От прямого народовластия к представительному, и от патриархальной монархии к парламентаризму” (1906 г.) (54). Как и Б.Н. Чичерин, М.М. Ковалевский в изучении социальных аспектов государственных институтов, во-первых, исходит из аналитического принципа “параллелизма мысли и учреждений”, то есть развития социальных моделей общения, отражённых в социально-политических теориях, и собственно самих государственных учреждений, как “общежительных форм”, этапах их становления. Во-вторых, патриарх русской социологии использует так называемый “генетический принцип”, рассматривая социальный генезис и эволюцию основных государственных институтов в связи с развитием прочих общественных форм: семьи, рода, собственности и психической деятельности. Примерно в этом же направлении ведёт научную разработку Б.Н. Чичерин в своём двухтомнике “Собственность и государство”, ставя вопрос о социальном способе связи между государственным и правовым механизмом и господствующими в национальной экономике формами собственности (55).

Трудно было бы найти крупного социолога в дореволюционной России, который бы не остановился на социальных механизмах организации и функционирования государства, не посвятил бы этому книгу, учебник или статью, а то и попытался бы разработать специальную теорию (Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский, В.В. Ивановский, П.А. Сорокин, К.М. Тахтарёв и др.) (56). Само же понятие “государство” определяется многими юристами (из которых в основном рекрутируется и формируется первое поколение политических социологов) на социологический манер, например, как “высший территориальный союз (или корпорация?) общественного господства” (57). Среди многих социологических подходов, которые были разработаны для интерпретации социальной основы государства, одной из центральных линий разграничения было противостояние, с одной стороны, классово-марксистского, а с другой, - либерально-правового подходов, приведших в итоге к двум моделям современной государственной организации: пролетарской диктатуре и правовому государству. Пожалуй наиболее ярко это противостояние “общественного” и “классового” господства в социальных моделях государства проявилось в его рабочих определениях, данных соответственно Б.А. Кистяковским и В.И. Лениным. Если первый определяет государство как “правовую организацию народа” (58), то для другого, — это “есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим” (59). Именно эти два противо-

ложных (и мировоззренчески, и методологически) социологических подхода и определили на десятилетия всю традицию социального анализа государственных институтов России.

По сути дела вся советская история разработки социологических вопросов государства сводилась к простой или усложнённой версии марксистского подхода к государству как организации классового господства буржуазии или пролетариата или же иных социальных групп. Конечно же, в 60-80-е годы в СССР появляются гораздо более сложные модели описания политической системы классового господства (в частности, под влиянием западной литературы по системно-структурному подходу, а также переводов таких работ европейских марксистов, как "Тюремные тетради" А. Грамши), чем вульгарные построения сталинского периода, хотя окончательно узкоклассовый подход преодолевается лишь к 90-м годам с возобновлением разработки концепции плюралистического, правового государства (60).

Интересная и актуальная постановка вопроса о социальной основе коррупции правительственных институтов была осуществлена в дореволюционный период русским учёным П.А. Берлиным в работе "Русское взяточничество как социально-историческое явление", вышедшей в начале XIX века. П.А. Берлин ставит вопрос о социальных причинах и воспроизводстве коррупции в государственном аппарате, отмечая при этом, что в России "взяточничество слилось и срослось со всем строем и укладом политической жизни" (61). Таких основных причин он выделяет две. Во-первых, внедрение социального принципа "государственного кормления". Анализируя политическую историю России XVIII-XIX вв., П.А. Берлин замечает, что жёстко карая взяточников, правительство одновременно воспроизводило социально-экономические условия их существования, поскольку "приучало видеть в политической власти рог изобилия всяческих материальных благ". Во-вторых, коррупция связана с компенсацией незаконной деятельности чиновника, берущего взятки, его политической благонадёжностью к начальству и лояльностью к нему со стороны государства. Как по современному и своевременно звучат эти мысли в России конца XX века!

Говоря о социологии государства, нельзя не упомянуть о разработке российскими авторами проблематики становления системы местного самоуправления в России, развернувшейся вместе с земской реформой 60-х гг. XIX века. Первые работы о местном самоуправлении (А.И. Васильчиков, А.Д. Градовский, В.П. Безобразов и др.) появляются уже на рубеже 60-70-х гг. (62). Уже тогда ставится проблема участия и роли различных классов и сословий в местном самоуправлении, хотя в основном с опорой на сравнительно-исторический подход. Но уже в начале 80-х годов появляются работы, которые с высокой степенью уверенности можно назвать первыми эмпирическими исследованиями по социологии политики в России. Это относится прежде всего к профессору юридического факультета Казанского университета В.В. Ивановскому, сравнительное конкретно-социологическое исследование которого в 1871-72 гг. опыта функционирования органов местного самоуправления двух уездов: Слободского, Вятской губернии и Лапшевского, Казанской губернии, - можно назвать революционным, с точки зрения формирования методологии и методов отечественной политической социологии. Им используются анализ земской статистики и актов управления, наблюдения за земской работой и даже интервью.

В.В. Ивановский анализирует основные направления земской политики: финансово-экономическую, продовольственную, социально-попечительскую деятельность, работу в области образования и здравоохранения и т.д. Используется объёмный массив первичных данных: цифр, фактов, документальной информации.

Нельзя не отметить и довольно высокий уровень гражданского мировоззрения, которым просто пронизан этот замечательный труд. “Цель всякого государственного учреждения, или целой системы учреждений, заключается в той пользе, какую оно должно приносить гражданам, — пишет В.В. Ивановский. — Поэтому каждое учреждение имеет право на существование лишь постольку, поскольку оно удовлетворяет тем общественным потребностям, ради которых оно вызвано к жизни” (63).

Не перестаёшь удивляться кругозору и размаху одного из первых политических социологов в России, который через несколько лет выпускает не менее масштабный труд по сравнительной социологии местного самоуправления Франции и Пруссии. В этой работе есть многое (а иногда кажется, что практически всё) для того, чтобы она служила в известном смысле эталоном и для нынешних политико-социологических исследований: анализ исторической и теоретической литературы и концептуализация объекта, формулировка рабочих гипотез и операциональных понятий, сбор и анализ первичных данных (в основном, статистических), и наконец, интерпретация результатов и выводы для адаптации апробированных механизмов самоуправления в России, а также обширные приложения в виде таблиц и схем. Удивляет и точность постановки и формулирования задач социологического исследования (в 1886 году!): “социальные группы и их развитие в учениях социологов”; “зависимость организации самоуправления от характера общественных групп и от отношений господства между этими группами” и пр. (64). И в современной социологической литературе России сегодня найдётся не так уж и много работ, выполненных с такой теоретической тщательностью и эмпирической дотошностью. Кстати, следует заметить, что работы по социологическому изучению системы местного самоуправления, несмотря на всю их удалённость от интересов верховной власти, стали в полной научной мере (то есть без идеологического и административного контроля “сверху”) возобновляться лишь в начале 90-х гг. XX века.

Следующее направление разработки в России политической социологии связано с социологическим анализом политических партий и общественных объединений. В начале XX века начинается бурный рост политических партий, разработка их идейных, организационных и политических принципов, партийных программ, стратегии и тактики. Многие академические социологи принимают участие в деятельности формирующихся партий. Например, М.М. Ковалевский пишет “Политическую программу Союза народного благоденствия” (1906 г.), его же студент П.А. Сорокин включается в деятельность Партии социалистов-революционеров, а в 1917 году даже разрабатывает “Политическую программу Временного правительства”.

Что же касается научного анализа политических партий, то наиболее существенный вклад в российскую партиологию был внесён, как уже выше отмечалось, М.Я. Острогорским, ставшим к тому же депутатом Государственной думы от конституционно-демократической партии. В своём фундаментальном труде “Демократия и политические партии” М.Я. Острогорский ставит и разбирает ряд социологических вопросов, связанных с социальным генезисом, составом и базой партийных организаций, функциональным механизмом и организационной структурой, а также политической стратегией и тактикой, технологией политического воздействия и манипулирования электоратом. Для российского учёного система “закрытых” политических партий, полностью заорганизованных и бюрократизированных, отчуждённых и от их рядовых членов, и от простых граждан, требует радикального изменения и реформирования. И он предлагает заменить ее системой открытых ассоциаций, создаваемых для реализации каждого конкретного интереса

и отдельной цели, что само по себе представляет известную ценность в свете появления во второй половине XX века новых социальных движений и так называемых “партий одной проблемы”. “Партия, держащая своих членов как бы в тисках, поскольку они в неё вошли, уступила бы место группировкам, которые бы свободно организовывались и реорганизовывались в зависимости от изменяющихся проблем жизни и вызываемых этим изменений в общественном мнении, — пишет М.Я. Острогорский. — Граждане, разойдясь по одному вопросу, шли бы вместе в другом вопросе” (65). Темой партий и объединений занимаются и другие русские либеральные социологи: П.А. Берлин, Ю.С. Гамбаров, Б.Н. Чичерин, В.М. Хвостов и др. (66).

Определённую роль в становлении социологии политических партий сыграли авторы левой, марксистской ориентации. Например, В.И. Ленин в период революции 1905-1907 гг. даёт довольно подробную классификацию русских политических партий, основываясь на классовом подходе (“справа-налево”) и деля партии на: черносотенные (камарильи царя); октябристские (крупной буржуазии и помещиков); кадетские (буржуазной интеллигенции); трудовиков (крестьянские) и социал-демократические (сознательных рабочих). На тот же самый принцип классового деления опирается Е. Черский в своей “Таблице русских политических партий”, представляющей собой удивительный для своего времени научный документ. По сути Е. Черский создаёт своего рода информационный классификатор — матрицу докомпьютерной эпохи, подразделяя по “вертикали” партии в соответствии с их диапазоном в общем партийно-политическом спектре, а по “горизонтали” — по общественным проблемам: общим принципам, лидерам, программе, организации, тактике, пропаганде, отношению к вопросам войны, мира и государственного устройства России (67). По такому же принципу, практически сходному способу, строит свою компьютерную базу политических данных полвека спустя американский политолог К. Джанда в своём знаменитом проекте “Политические партии” (1980 г.).

В советский период предпринимались попытки организации социологических исследований деятельности КПСС, что нашло отражение в появлении такого направления, как “социология партийной работы” (68). Однако большинство подобных разработок носило идеологемный, тенденциозный характер, служило апологетике “руководящей и направляющей роли коммунистической партии”. Что же касается исследований зарубежных партий, то в основном они изучались правоведами либо историками (немарксистские, буржуазные партии), либо специалистами по научному коммунизму (компартии, социал-демократия и т.д.).

В дореволюционный период довольно активно разрабатывается проблематика социологии политического поведения и электорального участия (69). Например, в серии из трёх статей, связанных с прогнозом и анализом итогов выборов в III Государственную Думу, Владимир Горн разрабатывает ряд методологических проблем социального анализа избирательного корпуса и типов электорального поведения. Он пытается установить причины поражения монархических сил на выборах II Думы и приходит к выводу о том, что они сводятся к просчёту в модели избирательной системы, расставившей социальные приоритеты в следующем порядке: крестьянство, землевладельцы, буржуазия и чиновничество. Далее он ставит вопрос о том, какую III Думу даст новая избирательная система и пытается прогнозировать итоги выборов. В советский период также проводились политико-социологические исследования электорального поведения за рубежом (70). Прежде всего надо выделить коллектив А.А. Галкина, базировавшийся в ИМРД АН СССР и проведший целую серию коллективных и индивидуальных сравнительных разра-

боток вопросов избирательного процесса и политического поведения на Западе, опиравшихся на методы и методики вторичного анализа данных.

Нельзя забыть, что на досоветском этапе велась разработка и других направлений социологии политики: социологии политических конфликтов и изменений (Я.Л. Юделевский, К.М. Тахтарёв, П.А. Сорокин и др.) (71), политического сознания и культуры (Б.Н. Чичерин, П.Н. Милюков, В.М. Хвостов и др.) (72), и наконец, по политической социологии международных отношений (А.С. Ященко, Г.Д. Гурвич, Н.И. Головин и др.) (73). В советский период эти направления также разрабатывались, хотя в основном в довольно жёстко идеологизированной парадигматике: “советская политическая культура”, “классовая борьба и революционный процесс”, “социалистические международные отношения” и т.д.

Подводя итоги политико-социологическому потенциалу, накопленному в период, предшествующий нынешней “волне” становления отраслевой социологии, можно было бы попытаться выделить несколько попыток создания научных школ в политической социологии (74). Первая из них связана с работой сектора социологии политики (Ф.М. Бурлацкий) в Институте конкретных социальных исследований (1969-70 гг.), а также секции “Социология политики” в Ленинградском университете (А.А. Федосеев). Это центральные - “московская” и “ленинградская” - научные школы, прежде всего занимавшиеся теоретическим освоением и критическим анализом багажа западной политической социологии (75). Во-вторых, это “ростовская” (южнороссийская) научная школа. Именно в Ростовском госуниверситете в 1979-80 учебном году В.П. Макаренко был прочитан первый в СССР академический курс “Социология политики”. И наконец, “урало-сибирская” (или восточнороссийская) научная школа (А.Г. Аникевич, Ю.Е. Волков и др.). Можно было бы отметить и процесс формирования научных школ в средней России, Поволжье и других регионах, который несколько трансформировался в условиях резкого изменения общественно-политической ситуации в стране на рубеже 80-х-90-х годов.

Развитие социологии политики во второй половине 80-х гг. - 90-е гг.

Как уже отмечалось, развитие социологии политики в России теснейшим образом связано с характером общеполитического процесса. Курс М.С. Горбачева на “перестройку”, гласность и демократизацию страны открыл клапаны социальной активности. На политической сцене появились многочисленные субъекты, претендующие на выражение “народных” интересов. Это были прежде всего общественно-политические организации демократической направленности, активно поддерживающие курс на демократизацию. Консервативные силы в обществе в свою очередь выдвигали жесткие требования наведения порядка в обществе. Появились многочисленные национально-патриотические движения и “фронты”, отстаивающие интересы национальных республик Союза. При этом все политические субъекты апеллировали к “народу”, “избирателям”, “гражданам”. Разобраться во всем этом многообразии стало трудно даже профессиональным политикам. Более того, изменилось восприятие политики.

До перестройки политический процесс “направлялся” Генсеком КПСС и его ближайшим окружением, за высказываниями которых следила “вся страна”, однако постепенно они оказались лишены монополии на внимание. Единая “моноцентрическая идеология” оказалась неспособна “увязать” различные социальные интересы, и на ее месте быстро конституировалось множество идеологических течений, поддерживаемых различными политическими движениями. Короче

говоря, для того, чтобы понять, что же представляет из себя политическая ситуация, и каковы тенденции ее развития, требовались специалисты, владеющие специальными методами анализа, оценки и прогнозирования политической ситуации. Такого рода специалисты быстро нашлись в лице политических социологов. Их сила, в отличие от других обществоведов, состояла в том, что они обладали технологиями массовых опросов населения. *Рейтинг* того или иного политического деятеля, политической партии или избирательного объединения стал мощным инструментом не только в политической аналитике, но и в политической борьбе, а получить его без проведения социологических опросов было невозможно.

При этом социология политики перестала быть "закрытой" дисциплиной, предназначенной для узкого круга политических функционеров. Ее результаты широко обсуждаются не только в научных кругах, а также средствах массовой информации, но и в широких слоях населения. И как бы не относились разные политические субъекты к результатам социологических опросов, без них уже обойтись было нельзя. Таким образом, социология политики стала развиваться на собственной основе, предлагая результаты своих исследований не только представителям "политического класса", но и всему обществу.

Общей характеристикой этого периода является смена парадигмы социологии политики. Было очевидно, что марксистское понимание политики и властных отношений как сферы классовой борьбы неприемлемо для общества с размытой классовой структурой и деградирующими институтами власти. Во всяком случае, исследование власти как иерархии устойчивых отношений господства и подчинения воспринималось социологическим сообществом как блуждание за миражом. Поэтому для теоретического описания политики исследователи стали использовать понятие "поле политики" (76). Согласно наиболее теоретически разработанной концепции Ю. Качанова, "поле политики представляет собой реальную систему различий политических позиций, которая производится/воспроизводится практиками агентов" (77). Разыгрывающаяся на поле политики "игра" политических агентов продуцирует своеобразную конфигурацию политических диспозиций, внутренняя структура и динамика которых является предметом социологического исследования. Таким образом, власть представляет собой динамическое отношение, которое атрибутивно не связано ни с одним из политических агентов, хотя и реализуется контекстно в практике каждого из них.

Исследования политического сознания - это наиболее распространенный тип социологических исследований, позволяющий выявить отношение различных социальных слоев к объектам "мира политики". На место традиционной схемы взаимодействия "политической идеологии и общественной психологии" пришло представление о многомерности политического сознания. Оно предстало как довольно сложный клубок переплетающихся ожиданий, страхов, предпочтений, представлений, ориентаций и установок, оценок и самооценок, вызванных политической реальностью. Основную задачу исследователи видят в том, чтобы выявить константы политического сознания, т.е. некие устойчивые политические ориентации и ценности, которые позволяли дать качественную характеристику их носителям.

Первое, что обнаружилось, это разрыв между официальными ценностями, декларируемыми политическими лидерами (независимо от того, к какой части политического спектра они принадлежат), и ценностями рядовых граждан. Так, в исследовании, проведенном Фондом общественного мнения "Власть и народ" (1992 г.), респондентам было предложено выбрать наиболее значимые для них слова. В результате, такие политические термины как "реформа", "рынок", "демократия", "собственность", "коллективизм" оказались по значимости далеко позади таких терминов как "семья", "законность", "достаток", "порядочность", "стабильность",

“мир”(78). Причины такого положения, по мнению И.Клямкина, состоят в переходном характере общественного сознания, для которого “законность власти” менее значима, чем ценности порядка и благополучия.

По мнению других исследователей (79), разрыв между ценностями политической элиты и граждан объясняется “деструкцией коммуникации”, которая ведет к фатальным последствиям - отчуждению власти от народа и делегитимизации социального порядка. Основная проблема политического сознания посткоммунистического общества, по их мнению, состоит в том, чтобы “непредвзято и рационально обсудить и обосновать” социальные представления и основанную на них социальную практику с тем, чтобы прийти к консенсусу агентов “поля политики”. Без такого рода политического дискурса невозможно единое политическое пространство (с единой шкалой ценностей), а следовательно, и политическая стабильность.

Социологические исследования позволили выявить неоднородность политического сознания, наличия в нем различных, порой прямо противоположных ориентаций. Среди множества подходов к анализу политического сознания рассмотрим два из них. И.Клямкин предложил два структурообразующих критерия: отношение к преобразованиям в экономике и приоритеты государственного строительства. Согласно этим критериям в политическом сознании были выделены следующие идейно-политические позиции.

“Импер-социалисты” (11-14% населения) ориентированы на восстановление государственной собственности и возрождение СССР в прежних границах. “СНГ-социалисты” (15-19% населения) признают “смешанную” экономику при ведущей роли государственного сектора, а главным направлением развития государственности считают укрепление СНГ. “Национал-социалисты” (9-13% населения) поддерживают развитие преимущественно государственного сектора экономики и выступают за приоритет российской национальной государственности. “Импер-капиталисты” (3% населения) ориентируются на развитие прежде всего частного сектора и воссоздание централизованного союзного государства. “СНГ-капиталисты” (11-12% населения) отличаются преимущественной ориентацией на частный сектор экономики и укрепление СНГ. “Национал-капиталисты” (6-8% населения) акцентированы на поддержке развития частного сектора экономики и российской национальной государственности. И наконец, “резерв” (35-42%) - самая многочисленная группа, представляющая собой тех респондентов, которые “затруднились ответить” на вопросы социологической анкеты и, соответственно, не имеют определенной политической позиции.

Исследования показали, что эти формы политического сознания мало связаны с такими характеристиками респондентов как уровень и источник доходов, а также род занятий. Таким образом, люди руководствуются при оценке ситуации и принятии политических решений скорее не экономическими интересами, а ценностями и идеологическими установками. Это позволило сделать вывод о доминировании ценностно-рационального способа политического поведения россиян. Однако последующие исследования показывают, что политическое сознание все теснее сопрягается с уровнем адаптации граждан к социально-экономической ситуации, материальным положением и социальными интересами людей (80).

Иной способ членения политического сознания был предложен Ю.Качановым и Г.Сатаровым (81). Их классификация типов политического сознания исходит из его внутренних свойств. В одном из исследований они предложили респондентам выбрать 6 из 74 политических суждений (лозунгов), принадлежащих партиям и движениям из различных частей политического спектра. Результаты опроса были обработаны посредством метода автоматической классификации. Получилось 6 кластеров, которые интерпретировались как типы политического сознания. Эти

кластеры могут быть представлены в системе координат, образуемых двумя осями. На горизонтальной оси фиксируется отношение к демократии. Здесь располагаются лозунги от радикально демократических до крайне консервативных. Вдоль вертикальной оси располагаются лозунги, относящиеся к государству, его роли в обществе. Это ось "этатизма".

Согласно их типологии, первый тип политического сознания - это "национально-государственный консерватизм". Его носители поддерживают восстановление СССР, выступают против продажи земли и крупной собственности иностранцам. Второй тип - это "государственничество". Его носители выступают за усиление роли государства во внешней и внутренней политике. Сторонники "умеренно-централизованных реформ" стремятся найти выход из кризисного состояния общества на пути постепенных социально-экономических реформ. В четвертый кластер попадают носители собственно "демократического" сознания. Они активно поддерживают радикальный курс реформ. Пятый тип сознания авторы называют "умеренный государственный либерализм", его носители исповедуют "просвещенный" патриотизм и усиление роли государства в регулировании экономики. И, наконец, шестой тип - это "либерализм", носители которого выступают против номенклатурного капитализма за неограниченное свободное предпринимательство широких слоев населения.

Интерес к типологии политического сознания объясняется тем, что после разрушения моноцентрической системы ценностей тоталитарного государства во весь рост встала проблема общенациональной идеологии. Широко обсуждался вопрос о возможности рецепции либеральных ценностей широкими слоями населения. Проблема состоит в том, что новый тип экономических отношений, основанный на предпринимательстве и частной собственности, не может возникнуть, если в сознании людей отсутствуют соответствующие ему ценности. Социология политики внесла свой вклад в эту дискуссию. Представляет интерес проведенное Фондом "Общественное мнение" социологическое исследование предрасположенности россиян к восприятию либеральных ценностей (82).

Было выявлено, что основополагающие либеральные ценности вовсе не столь чужды российским гражданам, как это могло казаться. Конечно, о формировании либерализма как устойчивой системы ценностей среди всех слоев населения говорить еще рано. Но респондентами высоко оценивается идея законности, обеспечивающей стабильные правила игры. Подавляющее большинство опрошенных выразили согласие с классической формулой либерализма "Я чувствую себя свободным, когда подчиняюсь общим для всех законам в общественной жизни, а в частной жизни поступаю, как хочу". Высоко оценивается респондентами и такая либеральная ценность как терпимость. 41% респондентов признают (не признает меньшинство - 33%), что "частная собственность - основа всех других прав и свобод человека, и она не должна никак ограничиваться". Правда, ряд социальных групп (пенсионеры, колхозники и др.) не согласны с государственными гарантиями частной собственности. В этом смысле в общественном сознании имеют место ценности скорее "социального", а не экономического либерализма. Авторы приходят к выводу об укорененности в сознании россиян таких ценностей как свобода, безопасность, справедливость. Однако эти ценности могут быть реализованы как в либеральной перспективе, так и коммунистической, как это уже было в 1917 году (83).

В ходе демократизации общества появились новые формы политического поведения. Массовая политическая активность в форме митингов, демонстраций, политических забастовок, пикетирования стала не слишком приятной обыденностью. Эти новые феномены требовали анализа. Уже первые исследования (84) показали, что интерес к политике и соответственно уровень политической активности не яв-

ляется постоянной величиной. На первых этапах перестройки наблюдался высокий уровень вовлеченности в политический процесс, затем он значительно снизился. Этому способствовал ряд факторов: участие в политике потеряло эффект новизны, как это было вначале "перестройки", политический процесс институционализировался, в результате чего участие инициируется в периоды избирательных кампаний и др. Исследования (85) выявили, что наибольший интерес к политике проявляют мужчины, по сравнению с женщинами, он повышается с возрастом и образовательным уровнем, с ростом доходов и особенно с социально-профессиональным статусом, с увеличением размеров населенного пункта.

Были проведены специальные исследования (86) по выяснению отношения населения к различным формам протеста. Обнаружилось, что более половины респондентов вообще не склонны принимать участие в любых формах политического протеста. Заметим, что исследование проводилось в наиболее напряженный период "курса реформ" - в 1993 и 1994 годах. А среди тех, кто все же готов принять в них участие, большинство предпочитает "мягкие" формы протеста - участие в митингах, подписание воззваний и т.п. Анализ показал, что радикальный политический протест свойственен прежде всего тем респондентам, у кого за последние годы ухудшился уровень жизни. Отметим, что массовое политическое участие сопряжено с влиянием самых различных факторов - уровнем материальной удовлетворенности, установками на изменение жизни к лучшему, наличием каналов политического самовыражения, способами концептуализации политического сознания и др. Исследование всех этих факторов - дело будущих исследований.

Многие исследователи отмечают, что одним из факторов, вызывающих активность протеста, является деятельность самих властных структур. Так, согласно теоретической схеме А.Здравомыслова, сама власть в процессе конструирования социальной реальности неизбежно порождает конфликтные ситуации, используя при этом насилие (87). Ряд исследователей особо выделяет нынешнюю российскую власть как субъект политического насилия (88). По мнению В.Серебрянникова, следует ожидать нарастания государственного насилия в силу следующих факторов: криминализация бизнеса, активное функционирование в обществе агрессивных социальных групп, проведение государством политики в интересах узкого правящего слоя (89). Г.Осипов прогнозирует, что "авторитарное усиление государственной власти в сочетании с ее делегитимизацией и падением доверия к ее лидерам обязательно примет форму "полицейского" правления" (90). А это в свою очередь будет постоянным источником массовой активности протеста.

Проведение социально-экономических реформ не может не вызывать обеспокоенности у научной общественности, так как налицо процессы возрастания социальной напряженности и политической нестабильности в обществе. Однако надежной модели прогнозирования "социального взрыва", основанной на измеряемых показателях, пока еще не разработано. Поэтому социологи зачастую выступают как публицисты, привлекающие внимание общества к острым социальным проблемам.

В этой связи особый интерес представляет методика анализа голосовательного поведения, разработанная Г.Сатаровым (91). Эта методика использовалась еще в "застойные" времена для анализа идеологического размежевания в Конгрессе США (92). С появлением в СССР первых представительных органов она стала использоваться для анализа голосовательного поведения депутатского корпуса. Суть этой методики состоит в геометрическом представлении политических позиций законодателей, проявляющихся в результатах их голосований: те из них, которые голосуют сходным образом, расположены близко друг от друга в многомерном евклидовом пространстве, те же, кто голосует противоположным образом, соот-

ветственно, расположены далеко друг от друга. Этот метод позволяет замерить уровень *сплоченности* депутатских групп или фракций при голосовании по конкретным вопросам или по всей совокупности голосований. Кроме того, он позволяет выявить уровень *конформизма*, т.е. степень отличия характера голосования депутатской группы или фракции от характера голосования всего депутатского корпуса в целом. На основе этих двух показателей становится возможным выявить *групповой интерес*. Ведь если группа голосует способом, отличным от способа голосования других депутатов, и при этом проявляет высокий уровень сплоченности, то это говорит о наличии у нее некоего особого, отличного от других депутатов интереса, который она стремится реализовать.

Проанализировав результаты голосований депутатов Шестого съезда народных депутатов, автор пришел к выводу, что фракционная структура съезда порождена чисто политическими интересами. Главная же задача - законодательное обеспечение реформ, прежде всего судебной и экономической, остается на периферии их интересов (93). Таким образом, анализ голосователного поведения депутатов, позволяет выявить точки размежевания политических интересов и оценить количественными методами характер политического противостояния.

Исследования политического сознания и поведения теснейшим образом связаны с *социологией выборов*. С марта 1989 года по декабрь 1996 года было проведено шесть федеральных избирательных кампаний (четыре парламентские и две президентские), три общенациональных референдума, три общероссийские кампании по местным выборам и др. Поэтому социология выборов - это одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений социологии политики. Это объясняется тем, что политические субъекты готовы тратить значительные финансовые ресурсы на социологию, лишь бы достичь победы в избирательной кампании. К настоящему времени накоплен достаточно большой материал социологических исследований избирательного процесса, однако надежных моделей анализа и прогнозирования хода и результатов голосования пока не выработано (94). Основная проблема социологии выборов состоит в том, чтобы показать социальные механизмы движения электоральных масс, занимающих те или иные политические позиции.

Одним из фундаментальных изменений последних лет, по мнению Ю.Левады, является то, что на политической сцене России появился новый субъект - "человек политический" (95). Его основная особенность состоит в том, что он не желает подчиняться мобилизационным воздействиям властных структур, и его голосователное поведение представляет собой продуманный, взвешенный рациональный выбор. Только так можно объяснить тот феномен, что рост показателей доверия к Б.Н.Ельцину на протяжении его последней избирательной кампании сопровождался сохранением критических оценок его деятельности, а также расхождение между высоким рейтингом доверия к Г.Явлинскому и низким уровнем его электоральной поддержки. Таким образом, наиболее образованный, сравнительно молодой, высоко урбанизированный электорат Б.Н.Ельцина отдавал себе отчет и в его недостатках и несмотря на свои симпатии к Г.Явлинскому, все-таки проголосовал за более опытного, волевого и способного повести за собой людей политика.

Имеется несколько подходов в понимании структуры "электорального пространства" России. Так, согласно одному из них (96) электоральное поле многослойно и многоуровнево. В случае многовариантного голосования можно выделить следующие более или менее устойчивые группы избирателей. "Либералы" - это те избиратели, которые в 1991 году голосовали против сохранения СССР (более 20 млн. голосов), а в парламентских выборах 1995 года поддерживали Демократический Выбор России Е.Гайдара, "ЯБЛОКО" Г.Явлинского и др. (10-12 млн. голосов). "Партия власти", выделившаяся из либерального электората, набра-

ла на выборах 1995 года более 9 млн. избирателей, голосовавших за "Наш дом - Россия", Блок Ивана Рыбкина, "Союз труда" и др. К "левотрадиционалистам" относятся избиратели, проголосовавшие на президентских выборах 1991 года за Рыжкова, Тулеева, Макашова (22 млн голосов), а на парламентских выборах 1995 года за Зюганова. "Державники" представляют собой слой избирателей, голосовавших в 1995 году за ЛДПР и другие движения национал-патриотической ориентации (13 млн.). "Центристы" (10-12 млн.) - это те избиратели, которых не устраивает ни Гайдар-Явлинский, ни Зюганов-Ампиров, ни Жириновский-Руцкой. Остальные избиратели - это огромное болото неопределившихся и не желающих участвовать в голосовании. При этом либеральный, державный и центристский электорат находятся в стадии становления.

Таким образом, основная часть электората неустойчива. Этой же позиции придерживается Л.Седов, который на основе анализа данных социологических опросов, проведенных сразу после второго тура президентских выборов 1996 года, пришел к выводу, что "основная часть электората (около 58 млн. человек) ... пребывает в состоянии броуновского движения, участвуя или не участвуя в выборах, довольно свободно меняя свои приверженности, переходя от партии к партии и от кандидата к кандидату" (97). Добавим к этому, что согласно данным опроса ВЦИОМ (98), 44% избирателей в течение предвыборной кампании меняли свои электоральные предпочтения, а 18% опрошенных указали на то, что приняли решения, за кого голосовать, в последние дни перед выборами или на избирательном участке.

Несколько иная схема анализа российского электората была предложена В.Боксером, М.Макфолом и В. Осташевым (99). Электоральный процесс является результирующей взаимодействия устойчивых групп избирателей. Во-первых, это оппозиционные режиму избиратели (35%), которые голосовали в декабре 1995 года за КПРФ, Аграрную партию, "Державу" и "Власть - народу". Во-вторых, проельцинский электорат (16%), группирующийся вокруг избирательных объединений "Наш дом - Россия", "Демократический выбор России" и "Вперед - Россия!". Сторонники "третьей силы", голосовавшие за "Яблоко", "Конгресс русских общин", Партию самоуправления трудящихся, составили 16% избирателей. 11% избирателей голосовали за ЛДПР. Остальные же 21% голосовавших составляли "болото" - это те избиратели, которые выбрали неполитические избирательные объединения и мелкие политические объединения.

Авторы показывают механизмы сведения всего этого многообразия в систему двуполярных отношений. В сущности, они предлагают концепцию поляризованного электорального поля, структура которого определяется прежде всего противостоянием сторонников и противников существующего политического режима, остальные же группы избирателей в той или иной пропорции распределяются между главными действующими субъектами. Стратегический замысел команды Ельцина состоял в том, чтобы перетянуть на свою сторону прежде всего "болото", ориентированное на стабильность, нежелание каких-либо резких перемен.

Биполярной модели структуры электорального поля России придерживается и Ю.Левада (100). С его точки зрения, стержнем политической организации российского общества по-прежнему, как и в советские времена, остается "властная вертикаль". Электоральное пространство определяется оппозицией двух государственных структур: ныне действующей - в лице "партии власти" и прошлой - в лице КПРФ. Этим объясняется неуспех "третьей силы", которая не смогла консолидироваться по той простой причине, что в этой политической структуре "третий - лишний". Положение "крайних" заставляет основные действующие силы использовать

язык и идеологемы своего противника. В результате бинарная поляризация стирается в зеркальном уподоблении крайностей.

Следует отметить, что проблема центризма - одна из основных тем изучения социологии политики, так как она связана с выявлением механизмов интеграции политического пространства. Центризм как особая политическая позиция является синтезом крайностей, таким синтезом, который позволяет сформировать общенациональные политические механизмы, работающие на поддержание целостности всей системы. Критериями центризма являются прагматизм, акцент на средствах достижения целей, учет взаимосвязи политики и экономики. Однако особенностью современной России является то, что "восприятие центризма как самостоятельной и содержательной политической сущности еще не сформировано в обыденном политическом сознании" (101). Отсюда непредсказуемость политического процесса - движение его от одной крайности к другой, в конечном итоге, движение по замкнутому кругу без соприкосновения с реальностью. Проблема состоит в том, чтобы выработать общенациональные ценности, которые были бы значимы как для правой, так и для левой частей политического спектра. Это было бы залогом устойчивости политической системы.

Социологические исследования выборов со всей силой ставят вопрос о особенностях функционирования политических элит в России. Одно из первых исследований было проведено О.Крыштановской (102). Ею были проанализированы различные характеристики высшего партийного руководства СССР: динамика социально-демографических показателей, изменение уровня и характера образования, типология карьер и др. Но самое важное - была зафиксирована тенденция деконструкции монополии КПСС на власть и формирование новых центров власти, куда "перетекают" наиболее активные представители политической элиты.

Основная проблема, анализируемая в исследованиях, - это проблема формирования новой политической элиты, соответствующей демократической политической системе. Практически все исследователи отмечают неустойчивость новой политической элиты (103), неспособность ее стать "образцом для подражания". Многие ее представители не научились пользоваться властью для повышения эффективности управления и укрепления стабильности в обществе, не смогли консолидироваться на единой корпоративной основе и соответственно не в состоянии дать четкие формулы общенациональных интересов, которые они готовы отстаивать даже ценой своего лидирующего положения. Согласно данным одного из опросов представителей политической элиты, респонденты указывают на такие негативные качества элиты, как низкий профессионализм, манипулирование общественным мнением, интриганство (104). Не остался без внимания и процесс криминализации новой политической элиты (105). Причиной внутренней неустойчивости современной российской элиты является, по мнению О.Мясникова, нерешенное противоречие между двумя отрядами прежней номенклатуры - партийно-государственной элитой и хозяйственными руководителями (106). Другая причина неустойчивости - отсутствие общепринятых механизмов соотнесения интересов федеральной и региональных элит (107). Но главная состоит в отрыве политической элиты от выдвинувших их социальных групп, что неизбежно порождает негативное отношение к ней с их стороны (108).

Анализ динамики партийной номенклатуры и новой политической элиты подтверждает скорее теорию воспроизводства элит, чем теорию их циркуляции (109). Фактически вся прежняя советская элита нашла свое место в новой политической системе или в качестве ее адептов, или в качестве "конструктивной оппозиции". Видимо, этим и объясняются "родимые пятна" старой номенклатуры на новой по-

литической элите - невысокий уровень профессионализма, корпоративная замкнутость, атрофия чувства социальной ответственности и др.

Ситуация, складывающаяся в социологии политики в конце 80-х - начале 90-х годов, довольно противоречива. С одной стороны, многочисленными исследовательскими центрами проводится большое количество различного рода исследований по самым разным направлениям. Реализуются совместные научно-исследовательские проекты с зарубежными, в основном американскими учеными. А с другой, - теоретических результатов пока еще мало. Весьма слаб интерес к методологическим проблемам социологии политики, серьезную озабоченность вызывает низкий концептуальный уровень эмпирических исследований. Мы уже не говорим о практически полном невнимании к истокам российской социологии политики. Зачастую эмпирическое описание некоторого явления заканчивается "выводом": "Вот такова картина". Но ведь социология, как говаривал один маститый ученый, это не процентология. Без теоретического развития объяснительные схемы социологии политики все менее удовлетворяют научное сообщество.

Практически все социологические центры так или иначе вовлечены в исследования по заказам тех или иных политических субъектов. Это неизбежно накладывает отпечаток на направленность исследований и их содержание. К примеру, в Институте социологии РАН одно из основных направлений исследований - это становление новых институтов гражданского общества (110), а в Институте социально-политических исследований главной задачей является исследование социально-политического кризиса в России (111). Возникают (иногда обоснованные, а иногда нет) обвинения со стороны политиков, да и своих коллег, в политической ангажированности, а порой и в недобросовестности и непрофессионализме (112). Естественно, это не может не подрывать авторитета социологии политики. Но самое главное, это мешает формированию научного сообщества с едиными критериями исследования, системой научных коммуникаций и корпоративным этосом.

Большинство исследователей политики смотрят в будущее одновременно и с осторожным скепсисом, и с большой надеждой. Общее желание, чтобы имеющиеся предпосылки формирования "нормальной науки" в демократическом обществе были реализованы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См об этом: Социология в России. Под ред. В.А.Ядова. М., 1996.
2. Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX XX вв. М., 1995. С.34.
3. Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С.50.
4. Медушевский по данному поводу пишет следующее: "Проведенное исследование показало, что русская социология предреволюционного периода не только находилась на уровне мировой науки в целом, но и в некоторых отношениях опережала ее. Это относится, прежде всего, к политической социологии, основателем которой в современных исследованиях справедливо признается М.Я.Острогорский". (Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993. С.291.)
5. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866. С. IX.
6. См.: Новиков Н.В. Условия возникновения и развития социологии в России // Российская социология. Под ред. СПб., 1993. С.12.

7. См.: Золотухина Н.М. Развитие русской средневековой политико правовой мысли. М., 1985. С. 15-18; Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1990. С.127-130.
8. См.: Крижанич Ю. Политика. М., 1965.
9. Феофан Прокопович. Слово о власти и чести царской // Феофан Прокопович. Сочинения. М. Л., 1961. С.87.
10. "Весь наш государственный быт, от Ярослава до усиления Москвы, есть история развития родового начала, предоставленного самому себе, история его постепенного разложения и упадка". (Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С.30).
11. Как это ни странно, первые развернутые попытки оценить источники и "начало" возникновения социологии политики были осуществлены не российскими, а зарубежными исследователями, например, видным немецким политологом Клаусом фон Бейме. (См.: Beume K. von. Politische Sociologie in Zaristischen Russland. Wiesbaden, 1965).
12. См.: Бакунин М.А. Там же, С. 50. Более подробно об идейных истоках и непосредственных источниках возникновения и формирования политической социологии в России, и в особенности о роли "государственной школы", см.: Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.
13. Стронин А.И. Политика как наука. СПб., 1872. С.2-3.
14. См.: Бовин А.Е. К постановке социологических проблем политики // Социальные исследования. Вып. 2. М., 1968; Бурлацкий Ф.М. Социологические проблемы политики // Социальные исследования. Вып.5. М., 1970; Ленин. Государство. Политика. М., 1970.
15. Бурлацкий Ф.М. Указ. соч., С.39. И позднее им используются в качестве синонимов понятия "политология" и "социология политики": "В советской политологии формируется несколько самостоятельных научных направлений: социология (или теория) политики; социология (или теория) политических систем; социология (или теория) международных отношений". (Бурлацкий Ф.М. Предисловие // Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979. С.11).
16. См.: Bendix R., Lipset S.M. Political Sociology // Current Sociology. 1957. Vol. VI. №2. P.87. Подробнее см. об этом: Липсет С. Политическая социология // Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972.
17. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Часть II. Социология. М., 1896. С.11.
18. См.: Андрианова Т.В. Социология политики в современном мире // Социология политики / Отв. ред. Андреева И.С. М., 1981; Шабурова О.В. Социология политики: методологические аспекты исследования // XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы общественных наук: Методологические проблемы / Под ред. Вазюлина В.А. М., 1982; Тощенко Ж.Т., Бойков В.Э. Политическая социология: состояние, проблемы, перспективы. 1990. №9; Волков Ю.Е. Социология политики как отрасль социологической науки // Социологические исследования. 1982. №2; его же. О специфике социологического подхода к анализу политической жизни (Социология политики и ее основные проблемы) // Вестник

- Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1996. №3, и др.
19. См.: Амелин В.Н. Предмет и основные направления политической социологии // Политика: проблемы теории и практики. Вып. VII. Часть II / Отв. ред. Братчиков С.В. М., 1990; его же. Социология политики. М., 1992; Политическая социология, политология, социология международных отношений (круглый стол) // Социально политические науки. 1991. №7; Дегтярев А.А. Предмет и структура политической науки // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1996. №4 и др.
 20. Смирнов В.В. Социология политическая // Отдельные отрасли социологического знания: Словарь справочник / Отв. ред. Осипов Г.В. М., 1990. С.190.
 21. См.: Ивановский В.В. Вопросы государственного устройства, социологии и политики. Казань, 1899. С.315.
 22. Сорокин П.А. Система социологии. Т.1. М., 1993. С.100.
 23. См.: Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX XX вв. М., 1995. С.187.
 24. См.: Кистяковский Б. Сущность государственной власти. Ярославль, 1913. С.37.
 25. См., напр., Котляревский С.А. Власть и право: Проблемы правового государства. М., 1915; Покровский П. О государственной власти // Юридический вестник. 1913. Вып. XXI, XXII и др.
 26. Алексеев А.С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. М., 1895. С.9.
 - 26а. См.: Коркунов Н.М. Русское государственное право. Спб., 1908. Т.1; Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Спб., 1910; Франк С.Л. Проблема власти. Социально психологический этюд; Франк С.Л. Философия и жизнь. Спб., 1910.
 - 26б. Ивановский В.В. Русское государственное право. Казань, 1895. Т.1.
 27. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Соч. в двух томах. М., 1993. Т.1. С.197.
 28. Плеханов Г.В. К вопросу о захвате власти // Плеханов Г.В. Соч. т. XII. М., 1926. С.203.
 29. В качестве подтверждения этого тезиса можно привести два специальных обзора советских работ по политической власти, первый из которых охватывает 20 е гг., а второй конец 80 х начало 90-х гг. См.: Богданова Н.А. Государственная власть: природа, сущность, организация // Становление и развитие советского государственного устройства: Исследования ученых 20 х годов. Отв. ред. Пивоваров Ю.С. М., 1990. Часть 1. Проблемы. Фадеев В.И. Проблемы власти: политологические аспекты // Политическая наука в России / Отв. ред. Пивоваров Ю.С. М., 1993. Вып. 1.
 30. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М., 1985. С.19.

31. См.: Кейзеров Н.М. Власть и авторитет: критика буржуазных теорий. М., 1973; Алексюк Р.П. Аппарат власти и управления как общесоциологическая категория. Воронеж, 1974; Аникевич А.Г. Политическая власть: Вопросы методологии исследования. Красноярск, 1986; Филиппов Г.Г. Социальная организация и политическая власть. М., 1985, и др.
32. См.: Амелин В.Н. Власть как общественное явление // Политика: Проблемы теории и практики. Вып. VII. Часть I. М., 1990. С.38-66; Дегтярев А.А. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения. 1996. №3. С.108-120; Здравомыслов А.Г. Проблема власти в современной социологии // Многообразие интересов и механизмы власти. М., 1994.
33. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866. С.387.
34. См. напр., Афанасьев М.Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М., 1995. С.32 и др.
35. См.: Стронин А.И. Указ. соч., С.27; См. также его же: История общественности. СПб., 1885.
36. Стронин А.И. Указ. соч., с.7.
37. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.302.
38. Радаев В.В. Властная стратификация в системе советского типа // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1991. №1. С.123. Эта концепция затем подробнее развернута в книге Радаева В.В., Шкаратана О.И. Социальная стратификация. М., 1995.
39. См.: Анурин А.Ф. Политическая стратификация: содержательный аспект // Социологические исследования. 1996. №12. С.82.
40. См.: Качанов Ю.Л. Политическая топология: Структурирование политической действительности. М., 1995; Качанов Ю.Л., Сатаров Г.А. Социальные группы в поле политики: опыт эмпирического анализа // Российский монитор: Архив современной политики. 1992. Вып.2; Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Как возможна социальная группа (к проблеме реальности в социологии) // Социологические исследования. 1996. №12.
41. См., например: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 676; Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 338, и др.
42. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1927. Т.1. С. 279.
43. См. подробнее об этом: Медушевский А.Н. М.Я. Острогорский и политическая социология в XX веке // Социологические исследования. 1992. № 8; 1993. № 1.
44. Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890; его же. Современная Россия: Очерки нашей государственной и общественной жизни. СПб., 1889. Т.1 2.
45. Кавелин К.Д. Бюрократия и общество // Кавелин К.Д. Собр. соч. Т. 2; Чичерин Б.Н. Бюрократия и земство // Чичерин Б.Н. Вопросы политики. М., 1903; Ивановский В.В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль. 1903. № 8, и др.
46. См.: Бакунин М.А. Государственность и анархия. Пг. М., 1922. С. 234.
47. Чичерин Б.Н. Бюрократия и земство // Указ. соч., С.76-77.
48. Диссертация В.И. Поскотиной на соискание учёной степени кандидата философских наук по теме "Эволюция бюрократии и бюрократизация управления в

- антагонистических формациях" (Томский госуниверситет, 1974) была исключена из диссертационного зала актом № 4 от 16.09.81 г.
49. См., напр.: Восленский М.С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 1991 (Первое издание вышло в Мюнхене в 1980 г.).
 50. См.: Ашин Г.К. Проблемы лидерства в современной буржуазной социологии // Вопросы философии. 1968. № 3.; Галкин А.А. Правящая элита современного капитализма // Мировая экономика и международные отношения. 1969. № 3; Бюрократия, элита и общество в развивающихся странах Востока. Т. 1-2. М., 1974; Чешков М.А. "Элита" и класс в развивающихся странах // Мировая экономика и международные отношения. 1970. № 1; его же. Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. М., 1979; Глазова Е.П., Горшкова Л.В., Мазурин Г.Е. Некоторые социальные характеристики правящей элиты в капиталистических странах (Обзор) // Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1979, и др.
 51. Макаренко В.П. Анализ бюрократии классово антагонистического общества в ранних работах К. Маркса. Ростов на Дону, 1985; его же. Бюрократия и государство (Ленинский анализ бюрократии царской России). Ростов на Дону, 1987; его же. Вера, власть и бюрократия: Критика социологии М. Вебера. Ростов на Дону, 1988; Зверев А.Ф. Бюрократия как объект социологического познания (критический анализ буржуазных теорий и концепций). Липецк, 1986; Ожиганов Э.Н. Политическая теория Макса Вебера: Критический анализ. Рига, 1986; Ашин Г.К. Современные теории элиты: Критический очерк. М., 1985, и др.
 52. См.: Шубкин В. Бюрократия: Точка зрения социолога // Знамя. 1987. № 4; Социальная природа и функции бюрократии (Дискуссия) // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 2, и др.
 53. См.: Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866. Кн. 4, Гл. 3,4. См также его же: История политических учений. М., 1869 1902. Ч. I V.
 54. См.: Ковалевский М.М. Взгляд на историю и современное состояние местного самоуправления в Англии // Юридический вестник. 1886. № 1; его же. Происхождение современной демократии. М., 1895 1897. т. 1-4; Очерки по истории политических учреждений России. СПб., 1908; От прямого народовластия к представительному, от патриархальной монархии к парламентаризму: Рост государства и его отражение в истории политических учреждений. М., 1906, и др. Кстати завершающий 4 том последнего издания М.М. Ковалевского по политико социологической теории и социально политической истории "прямо пострадал" от истории социальной революции и политической практики 1905 года, сгорев в типографии Сытина во время декабрьского вооружённого восстания, так никогда и не увидев свет.
 55. См.: Чичерин Б.Н. Собственность и государство. М., 1882. Т. 1-2; Ковалевский М.М. Социология. СПб., 1910. Т. 2. Генетическая социология, или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности.
 56. См., например; Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1910; Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916; Тахтарёв К.М. Общество и государство и закон классовой борьбы. Пг., 1918; Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль, 1919, и др.
 57. См.: Алексеев А.С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. М., 1895. С. 28.

58. См.: Кистяковский Б.А. Сущность государственной власти. Ярославль, 1913. С. 6; его же. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6. С.141-159.
59. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С.270; его же. Государство и революция // Там же. Т. 33.
60. В качестве примеров можно привести: Перегудов С.П., Холодковский К.Г. Усложнение механизма связи буржуазного государства с господствующим классом // Новые явления в механизме политического господства монополий. М., 1975. Т. 1; Каленский В.Г. Государство как объект социологического анализа. М., 1977.
61. Берлин П.А. Русское взяточничество, как социально историческое явление // Современный мир. 1910. С. 48.
62. См.: Васильчиков А.И. О самоуправлении: Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. СПб., 1869 1871. Т. 1-3; Градовский А.Д. История местного управления в России. М., 1868. Т. 1; Безобразов В.П. Земские учреждения и самоуправление. СПб., 1874, и др.
63. Ивановский В.В. Опыт исследования деятельности органов местного самоуправления в России: Уезды Слободской, Вятской губернии и Лапшевский, Казанской губернии. Казань, 1882. С. 1.
64. См.: Ивановский В.В. Организация местного самоуправления во Франции и Пруссии в отношении сравнительного участия в ней различных общественных классов с обзором относящейся сюда новейшей немецкой и французской литературы. Казань, 1886. С. 22-42.
65. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1930. Т. 2. С. 308.
66. См.: Берлин П.А. Политические партии на Западе: их доктрины, организация и деятельность. СПб., 1908; Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем. СПб., 1905; Хвостов В.М. Общественное мнение и политические партии. М., 1906, и др.
67. См.: Ленин В.И. Опыт классификации русских политических партий // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14 С. 21-27; Черский Е. Таблица русских политических партий. М., 1918.
68. См.: Архипов Б.С. Социологические исследования в работе областного комитета партии // Социологические исследования. 1974. № 1; Бокарев Н.Н. Вопросы социологии в партийной работе. М., 1976; его же. Социологические исследования в деятельности партийных комитетов // Социологические исследования. 1982. № 1, и др.
69. См.: Горн В. Избирательный закон 3 июня и вероятный состав 3 ей Думы (Политико статистический этюд) // Современный мир. 1907. № 7-8; его же. Спасители России (Этюд политической статистики) // Современный мир // Современный мир. 1908. № 1; Саликовский А.Ф. Москва на выборах // Русская мысль. 1911. № 3, и др.
70. См.: Рабочие избиратели в странах Западной Европы / Отв. ред. Галкин А.А. М., 1980; Рабочий класс в странах Западной Европы: К изучению социальных основ политического поведения / Отв. ред. Галкин А.А. М., 1981; Салмин А.М. Промышленные рабочие Франции: К изучению сдвигов в политическом поведении. М., 1984; Ковлер А.И. Франция: партии и избиратели. М., 1984, и др.
71. См.: Юделевский Я.Л. Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории. СПб., 1910; Тахтарёв К.М. Общество и государство и закон борьбы классов. Пг., 1918; Сорокин П.А. Социология революции // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992, и др.

72. См.: Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866; Миллюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вопросы философии. 1991. № 1; Хвостов В.М. Общественное мнение и политические партии. М., 1906, и др.
73. См.: Яценко А.С. Международный федерализм: Идея юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII века. М., 1908; Сорокин П.А. Причины войны и пути к миру. Пг., 1917; Гурвич Г.Д. Большевизм и замирение Европы // Современные записки. 1925. Т. 26; Головин Н.Н. О социологическом изучении войны // Социологические исследования. 1992. № 3, и др.
74. См. об этом: Тощенко Ж.Т. Эволюция идей политической социологии (по страницам журнала "Социологические исследования за 1974 1993 гг.) // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 14-25.
75. См.: Дмитриев А.В. Политическая социология США: Очерки. Л., 1971; Федосеев А.А. Политика как объект социологического анализа. Л., 1974; Владимиров А.В. Итальянская школа политической социологии (традиции и современность) // Социологические исследования. 1976. № 1; Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974, и др.
76. См.: Здравомыслов А.Г. Власть и общество // Социологический журнал. М., 1994. №2. С.4-17; Шматко Н.А. Становление российского патроната и бюрократический капитал // Социологические исследования. 1995. №6. С.24-37; Левада Ю. Структура российского электорального пространства // Президентские выборы 1996 года и общественное мнение. М., 1996. С.19 28 и др.
77. Качанов Ю. Политическая топология: структурирование политической действительности. М., 1995; см. также Качанов Ю. Опыты о поле политики. М., 1994.
78. См.: Клямкин И.М. Политическая социология переходного периода // Полис. М., 1993. №4. С.62. Эти данные совпадают с результатами исследований ВЦИОМ. См.: Россия: власть и выборы. М., 1996. С. 131.
79. См. Качанов Ю.Л., Сатаров Г.А. Метаморфозы политического сознания // Российский монитор. Архив современной политики. М., 1993. Вып.3. С.79 108.
80. См.: Кушновец Т., Клямкин И. Русские идеи // НГ Сценарии. М., 1997. 16.01.
81. Качанов Ю.Л., Сатаров Г.А. Метаморфозы политического сознания // Российский монитор. Архив современной политики. М., 1993. Вып.3. С.79 108.
82. Капустин Б.Г, Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. М., 1994. №№1 2.
83. Капустин Б.Г, Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. М., 1994. №2. С.74.
84. См.: Есть мнение! Итоги социологического опроса / Под общ.ред. Левады Ю.А. М., 1990. С.110.
85. См.: Голов А.А. Факторы и стимулы массовой политической активности // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. М., 1994. №5.
86. Назаров М.М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социс. М., 1995. №1.
87. См.: Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М., 1995. С.168 169.

88. См.: Семенов В.С. Ситуация современного политического насилия в России // Политические конфликты: от насилия к согласию. М., 1996. С. 40-48.
89. См.: Серебрянников В.В. Военное насилие в политических конфликтах России // Политические конфликты: от насилия к согласию. М., 1996. С. 233-248.
90. Осипов Г. Социология и политика. М., 1995. С.501.
91. Сатаров Г.А. Анализ политической структуры законодательных органов по результатам поименных голосований // Российский монитор. Архив современной политики. М., 1992. Вып.1.
92. Сатаров Г.А.Станкевич С.Б. Идеологическое размежевание в Конгрессе США // Социологические исследования. М., 1990. №2.
93. См.: Сатаров Г.А. Российские съезды: деюстификация политической системы // Российский монитор. Архив современной политики. М., 1992. Вып.1. С.54. К аналогичным выводам пришли и авторы другого исследования Верховного Совета. См.: Амелин В.Н., Орлова Л.А. и др. Депутаты и аппарат Верховного Совета Российской Федерации: состояние и резервы деятельности (Опыт социологического анализа) // Политическая социология. Информационный бюллетень. М., 1992. №4. С.40.
94. См.: Тощенко Ж.Т., Дмитриев А.В. Социологический опрос и политика // Социологические исследования. М., 1994. №5. С.42-51; Андриющенко Е.Г., Дмитриев А.В., Тощенко Ж.Т. Опросы и выборы 1995 года // Социологические исследования. М., 1996. №6; Грушин Б.А. Электоральная социология в России: что мешает ее успеху (полемические заметки)// Этика успеха. Тюмень Москва, 1996.
95. См.: Левада Ю. "Человек политический": сцена и роли переходного периода // Президентские выборы 1996 года и общественное мнение. М., 1996. С.84-93.
96. Анализ электоральных предпочтений регионов: устойчивость и изменчивость / Рук. Проекта ТАСИС Нещадин А.А. М., 1996.
97. Седов Л.А. Материал к анализу электорального поведения граждан России // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. М., 1996. №5.
98. См. Президентские выборы 1996 года и общественное мнение. М., 1996. С.70-71. Эти данные совпадают с результатами исследований других центров.
99. Боксер В., Макфол М., В. Осташев В. На пути коммунистов "болото" // Итоги. М., 1996. №7; см. также Сергеева Е.Я. Российский электорат: проблема выбора и участия. М., 1996. С.151.
100. Левада Ю. Структура российского электорального пространства // Президентские выборы 1996 года и общественное мнение. М., 1996.
101. Качанов Ю.Л., Сатаров Г.А. Метаморфозы политического сознания // Российский монитор. Архив современной политики. М., 1993. Вып.3. С.94.
102. См.: Крыштановская О.В. Партийная элита в годы перестройки // Политические процессы в условиях перестройки. Вып.1. М., 1991. С.3-33.
103. См.: Охотский Е.В. Политическая элита. М., 1993. С.64.

- 104.См.: Понеделков А.В. Элита. (Политико административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры). Ростов на Дону. 1995. С.291.
- 105.См.: Лунеев В.В. Криминогенная обстановка в России и формирование новой политической элиты // Социологические исследования. М., 1994. №8 9. С.89 100.
- 106.См.: Мясников О.Г. Смена правящих элит: “консолидация” или “вечная схватка” // Политические исследования. М., 1993. №1. С. 52 60.
- 107.Фарукшин М.Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации. Полис. М., 1994. №6. С. 67 79; Афанасьев М.Н. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит // Полис. М., 1994. №6. С. 59 66.
- 108.См.: Афанасьев М.Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М., 1995. С.32.
- 109.См.: Ершова Н.С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1994. С.151 155.
- 110.См.: Ядов В.А. Десять тезисов кандидата на должность директора Института социологии // Социологические исследования. М., 1995. №3. С.25.
- 111.См.: Осипов Г. Социология и политика. М., 1995.
- 112.См. Голов А., Никитина В. Рейтинг и как с ним бороться // Президентские выборы 1996 года и общественное мнение. М., 1996.